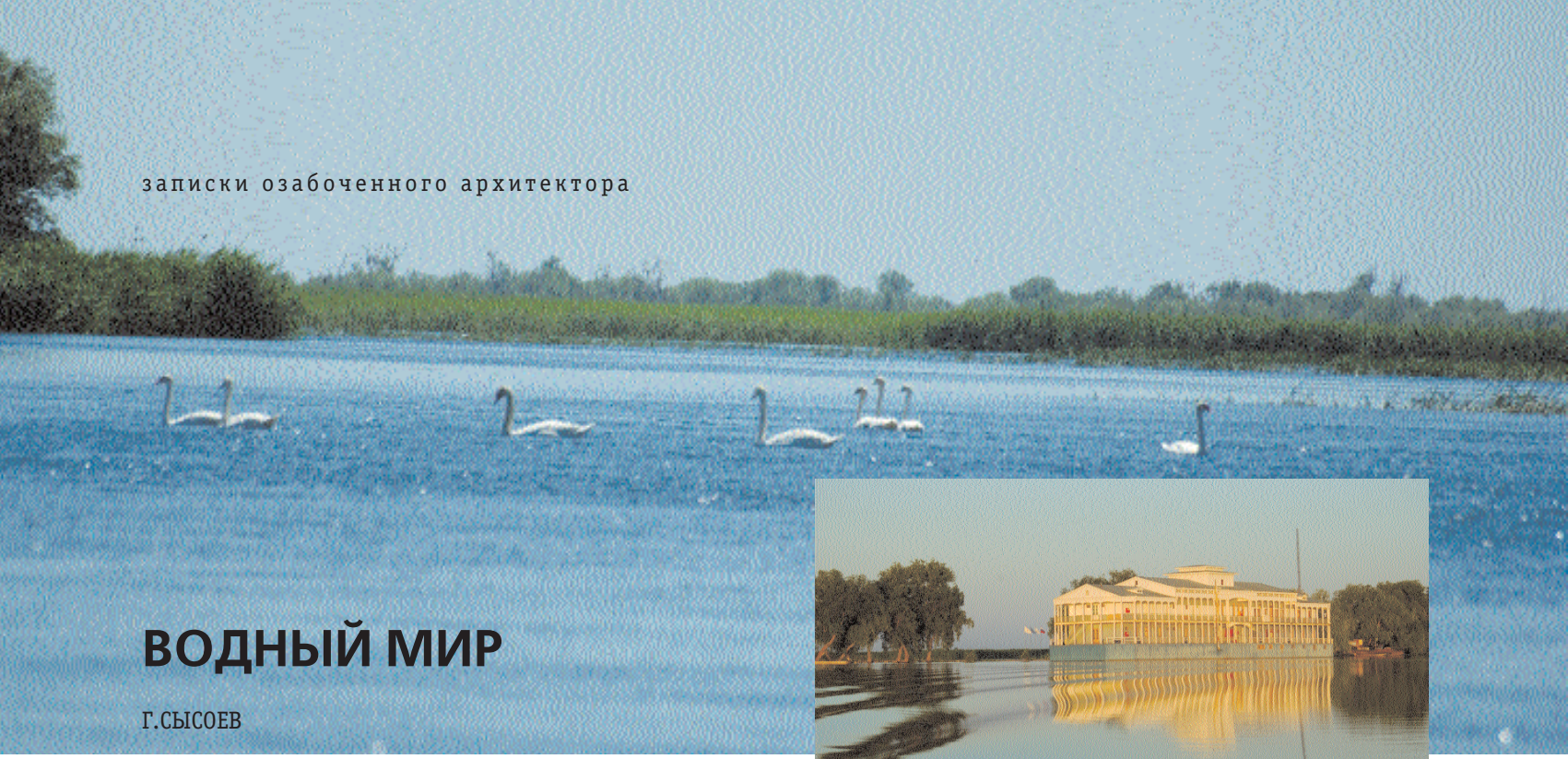

ВОДНЫЙ МИР

Г. СЫСОЕВ

С трудом перегрызая пуповину, связывающую каждого из нас с цивилизованным миром, отдавая последние указания по телефонам, обнявшись со знакомыми и познакомившись с новыми людьми, выпив виски (отдавая тем самым последнюю дань цивилизованной жизни), мы двинулись на посадку на самолет до Астрахани.

Десант рыбаков был организован Сергеем — успешным финансистом и моим давним другом. Я уже несколько раз с неизменным удовольствием совершал в его компании путешествия, придуманные красиво и с комфортом, и в свою очередь организовывал подобные в Карелии и на Белом море.

Все члены компании постепенно сбрасывали с себя панцири прусевающих деловых людей, превращаясь в самих себя и погружаясь в сладостную свободу от забот, подобную состоянию мальчишек, сбежавших с урока.

С бравадой и хохмами, подкалывая друг друга, мы прошли необходимые формальности и сели в самолет.

В самолете я оказался в последнем ряду, притиснутым к окну огромным красивым молодым парнем атлетического сложения, ментально уснувшим. Сергей, сидящий неподалеку, тоже сразу уснул, и только двое новеньких из нашей компании были активны. Эти два живчика — Андрей и Володя — были небольшого роста и очень говорливы. Однако когда стюардессы продали им армянский коньяк, один из них просто пошел в разнос, а я был рад, что оказался прижатом к окну спящим славянином, и поэтому совершенно не видим и не вовлечен в процесс...

Роскошный парень, проснувшись, оказался разговорчивым камчадалом, летающим по нефтяным разработкам Сибири и даже Норвегии, но не разу не выдавшим Москву.

Тем временем Андрюша, прикончив коньяк (видимо «паленый»), стал экзальтирован, говорлив и взвинчен до такой степени, что я с грустью подумал, что в наших прежних компаниях такого еще не было.

Выйдя из самолета в душную астраханскую ночь, мы вошли в здание аэропорта, по-советски некрасивое и замызганное, с пальмами в кривых кадках, старинными электронными часами на голой стене, засаленными стенами, облицованными гипсовыми плитками с рельефным изображением каких-то военных истребителей и непонятного назначения одинокой железной полкой на подкосах. Для телевизора она

была слишком мала и высоко расположена. Вероятно на ней когда-то стоял бюстик вождя — решили мы, не найдя другого объяснения. Прямо под этой полкой располагались туалеты, поразившие нас еще больше. Лично я нигде не видел, чтобы перед входом в туалет стояла старая эмалированная ванна для мытья ног, судя по заброшенному виду ни кем не востребованная со времен развитого социализма, когда, видимо мытье ног перед входом в туалет являлось гигиенической нормой. Но самым удивительным оказалось

то, что туалет был единственным, и согласно объявлению все страдающие могли им воспользоваться, независимо от пола. Причем аборигенок и аборигенов это неудобство не очень как будто и смущало. В общем, начало было довольно шокирующим — как будто мы вернулись в мир социализма времен застоя.

После получения багажа и тубусов со снастями, мы погрузились в две «Газели» и пару часов куда-то ехали. Свет фар выхватывал из темноты какие-то заборы, сараи,

тростниковые заросли. Почему-то вспоминалась Тамань в описании Лермонтова. Андрюша по-прежнему доставал своими пьяными шутками (особенно Сергея), пьяной любовью, к тому же поминутно снимал всех в упор на камеру.

Наконец мы подъехали к какому-то причалу, где нас пересадили в лодки — этикие длинные пластиковые, крепко скроенные челны с мощными моторами. Кавалькадой лодок в пять мы устремились в темную южную ночь под стрекот цикад и мерный шум мотора. В ночи пейзаж выглядел совсем не выразительно, так как всю дорогу мы плыли как бы по каналу, обрамленному высокими камышовыми зарослями, которые здесь называют трестой. Когда окончательно исчезли огни цивилизации, ночь оказалась черна и безоблачна. Наслаждаясь бездельем и одиночеством, я взглянул на небо и обомлел, забыв обо всем на свете.

Я много ездил по земному шару, наблюдал небо в самых разных широтах, но не видел ничего подобного. Это небо было как в стереокино — объемно и отчетливо настолько, что можно было рассмотреть каждую звезду и почувствовать, какая из них ближе, а какая дальше. Планеты — махонькие шарики, а млечный путь, простираясь от горизонта до горизонта, «замазывал» четкую картину неба золотой пудрой. Таким небом можно бы-

ло любоваться бесконечно. Я думаю, огромная гладь воды в пойме Волги создавала своеобразную атмосферу над собой и особую прозрачность воздуха, благодаря чему в этих краях можно было наблюдать эту звездную симфонию.

Мне с детства было непонятно, как могли древние астрономы без телескопов отличать звезды от планет и вообще подмечать тонкости звездного неба. Оказывается, это дей-

ствительно возможно при перво-

зданной прозрачности атмосферы, которой, к сожалению, уже давно нет там, где цивилизация прочно вторглась в природу. Наблюдая вечную картину звездного неба, мы благополучно приехали в отель «На плесах» — двухэтажный дебаркадер с номерами, рестораном и бильярдной. Кроме обновленных номеров, все было первоизданно и требовало ремонта. Отель располагался посреди бескрайнего водного мира, изрезанного камышовыми зарослями, растущими на

отмелях. В этом районе Волга, перед впадением в Каспий, разливаясь на тысячи проток и образует неглубокую водную гладь величиной с небольшое европейское государство. Здешний водный мир удивителен обилием всякой рыбы и живности, поскольку водная толща не глубока и великолепно прогрета, а тысячи островов с зарослями тростника пятиметровой высоты подобны непроходимым джунглям,

отмелях. В этом районе Волга, перед впадением в Каспий, разливаясь на тысячи проток и образует неглубокую водную гладь величиной с небольшое европейское государство. Здешний водный мир удивителен обилием всякой рыбы и живности, поскольку водная толща не глубока и великолепно прогрета, а тысячи островов с зарослями тростника пятиметровой высоты подобны непроходимым джунглям,

